
II

О. В. Мищенко

К этимологии рус. диал. *пестёрь*, *пехтёрь*, *пещёр*¹

Русский диалектизм *пестёрь*, *пехтёрь*, *бестёрь* и др., обозначающий разные виды корзин и котомок, не раз рассматривался в этимологической литературе². Разыскания последних десятилетий отдают предпочтение версии о заимствованном происхождении слова: такой взгляд отражен в работах Н. Г. Иванова, О. В. Вострикова, А. Е. Аникина. Он базируется прежде всего на обнаруженных соответствиях русскому диалектизму в марийском языке, а также на колебании *n ~ õ* в анлауте и консонантных групп *xm ~ cm* в середине русских форм, не объяснимом на исконной почве. При этом Н. Г. Иванов предполагает марийский (древнемарийский) источник русского слова, а О. В. Востриков и А. Е. Аникин видят в нем субстратное включение из исчезнувших финно-угорских языков. Сложность заключается в том, что ни в каких других источниках, кроме волжско-финских, соответствий не обнаружено. Появившиеся уже после выхода работы О. В. Вострикова более полные сведения о распространении слова в русских говорах позволяют

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ молодым российским ученым МК 1603.2004.6 и гранта Министерства образования РФ по фундаментальным исследованиям в области гуманитарных наук Г02 – 1.6 – 111.

² См.: Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка: В 2 т. М., 1910–1914. Т. 2. С. 50; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1964–1973. Т. 3. С. 250; Иванов Н. Г. Марийские лексические заимствования в русских говорах Вятского края // Сов. финно-угроведение. 1969. № 2. С. 110; Востриков О. В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 23–24; Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Новосибирск, 1997. С. 466–467.

еще раз вернуться к проблеме этимологической интерпретации рус. *пестёрь, пехтёрь* и уточнить предложенные ранее версии. Попытка сделать новые выводы на основании систематизации данных представлена в настоящей статье.

Лексема известна практически на всей территории России и функционирует в следующих вариантах: *бестёрь, бестерю́ха, бехтёрь, бехтерю́ха, бехти́рь, пестель, пёстер, пестёр, пёстера, пестерёк, пестёрик, пестеру́к, пестёрка, пестерю́ха, пёстерь, пестёрь, пестёрька, пестерю́ха, пести́рь, пёхтер, пехтерёк, пёхтерь, пехтёрь, пещёр, пещёра, пещеру́к, пещёрка, пещеро́к, пёщерь, пёщор, пещор, пёщур, пещуро́к, пещурь, пистель, пистёрка, пистёрь, пухтёрь, пухти́рь* и некоторых других [АОС, 2, 20–21; КСГРС; НОС, 7, 131; СГП, 350; СРГК, 4, 484; СРНГ, 2, 281, 285; 26, 309–313, 341–342; 27, 16–17; ЯОС, 7, 101–102].

Выделяется пять основных вариантов слова, каждый из которых, в свою очередь, может стать источником словообразовательных производных: *бестерь, бехтерь, пестерь, пехтерь* и *пещер*. Таким образом, русские лексемы демонстрируют две фонетические корреляции: *б ~ п* и *ст ~ хт ~ щ*.

Основными значениями, которые отмечаются почти на всей территории функционирования, являются ‘большая корзина для переноски травы, сена, мякины и т. п.’ и ‘запленный короб из бересты или сосновой дранки’; помимо названных, встречается также целый ряд частных значений локального характера: ‘коробка, плетушка’, ‘долбленный деревянный сосуд для хранения меда’, ‘кулек, кулечек’, ‘рогожа для упаковки’, ‘небольшая корзина, лукошко’, ‘род ковшика из коры калины или из бересты’, ‘сумка для продуктов’, ‘котомка, мешок’, ‘плетеный кошель для переноски сена’, ‘лукошко из соломы, которое используют при ручном севе’, ‘плетеный кузов на санях, телеге’ и т. п.

География лексем выглядит следующим образом:

- варианты с консонантной группой *ст* распространены на севере Европейской части России и частично в средней полосе. Ареал охватывает Архангельскую и Вологодскую области, русские говоры востока Карелии, Новгородскую, Тверскую, Ярославскую, Костромскую, Владимирскую, Кировскую области, русские говоры Республики Коми и, уходя далее на восток, включает говоры Пермской и Оренбургской областей, Урала и Сибири;
- варианты с консонантной группой *хт* фиксируются в средней полосе и на юге Европейской части России. Ареал включает Тверскую, Ярославскую, Смоленскую, Московскую, Калужскую, Тульскую, Рязанскую, Нижегородскую, Брянскую, Орловскую, Тамбовскую, Пензенскую, Ульяновскую,

Курскую, Воронежскую области, а также русские говоры Республики Мари Эл; варианты с группой *хт* встречаются также в окрестностях Новгорода и на территории Русского Севера, где выделяются три ограниченных ареала: Сокольский район Вологодской области, северо-восток Архангельской, начиная от среднего течения Ваги (Вин, В-Т, Мез, Пин, Холм, Шенк), а также низовья Онеги;

– варианты с *щ* также фиксируются в средней полосе и на юге Европейской части России, причем южнее линии Смоленск – Владимир ареал сдвигается к востоку: он охватывает Тверскую, Ярославскую, Костромскую, Владимирскую, Нижегородскую, Кировскую, Рязанскую, Тамбовскую, Воронежскую, Ульяновскую области; с миграционными потоками слово продвинулось на восток и получило распространение на Урале и в Сибири; есть немногочисленные фиксации вариантов с согласным *щ* на Русском Севере, в низовьях Онеги и на Кубенском озере;

– варианты с начальным *б* характерны в основном для территории Русского Севера, где образуют три узких ограниченных ареала: *бестерь* и *бехтерь* фиксируются в среднем течении Северной Двины (Вин, В-Т, К-Б, Холм), *бехтерь* – в Сокольском районе Вологодской области, *бестерь* – в районе Сольвычегодска; согласно Г. Г. Мельниченко, вариант *бестер* имеется и в Костромской области³. На остальной территории в качестве инициального согласного отмечен только *п*.

Нарисуем общую картину. На территории Европейской части России фиксируются все пять фонетических вариантов лексемы. При этом юго-запад территории от линии Москва – Воронеж маркируется исключительно вариантом *пехтерь*. Вариант *пестерь* отделяет север территории от остальной ее части: только его лексикографические источники отмечают для Карелии, именно он преобладает в Новгородской области и на Русском Севере, причем это преобладание значительно. В целом ареал варианта *пестерь* на юге не выходит за пределы бывшей Владимиро-Суздальской территории. Вариант *пецтер* маркирует восток территории от линии Ярославль – Воронеж, нигде не образуя самостоятельного ареала и накладываясь на ареалы *пехтерь* (на юге) и *пестерь* (на севере). Наибольшим разнообразием вариантов отличается территория, охватывающая Костромской край и Волго-Окское междуречье: здесь пересекаются ареалы всех трех возможных форм с глухим в анлауте. При этом для Ярославской и Тверской областей отмечаются все три

---

³ См.: Мельниченко Г. Г. Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – нач. XIII в. Ярославль, 1974. С. 213.

варианта, в Костромской и Владимирской зафиксированы *пестерь* и *пещер*, в Московской – только *пехтерь*. Что касается Русского Севера, то здесь преобладающим является вариант *пестерь*, распространенный практически повсеместно. На крайнем северо-западе, а также на северо-востоке региона с формой *пестерь* сосуществует форма *пехтерь*, внутри ареала последней – в среднем течении Северной Двины – выделяется зона лексем с начальным *б* (*бехтерь*, *бестерь*). Варианты с начальным *б* отмечены также в низовьях Вычегды и в верховьях Сухоны.

В волжско-финских языках обнаружены следующие соответствия рассматриваемым русским лексемам. Данные марийского языка: *пёстер*, *пестёр*, *пестёрь* ‘берестяное лукошко’, горн. *пёшыр* ‘то же’ [МРС, 423, 426], *пёштыр* ‘котомка, ноша’, *пёштыртэш* ‘надевать, надеть, навьючивать, навьючить (котомку)’ [Там же, 453; СМЯ, 5, 242], горн. *пүштыр* ‘котомка, ноша’, *пүштырташ* ‘надевать, навьючивать (котомку)’ [МРС, 476], диал. *пүштыртыш* ‘котомка (на спине), вещмешок’ [СМЯ, 5, 450]. Мордовские данные: мокш. *пешор* ‘патронташ, сумка для патронов’, *пещор* ‘охотничья сумка’ (оба слова зафиксированы в Zubovo-Polyanskом районе Мордовии) [МоРС, 482], эрз. *пещор* ‘кошель’ (устар.) [ЭРС, 476].

Из приведенных волжских параллелей явно не могут быть заимствованными из русского мар. *пёштыр*, *пүштыр*, *пүштыртыш*. На это указывает вокализм первого слога: при заимствовании в марийский находящееся под ударением или в первом предударном слоге рус. *е* > мар. *е*, *э*, *и*, *ы*, *а*; рус. *и* (в тех же позициях) > мар. *и*, *е*⁴, а кроме *е* и *и* никаких других гласных в первом слоге русских параллелей не встречается. Принимая это во внимание, проанализируем следующее соответствие: мар. *пёштыр* ~ *пүштыр*/*пүштыртыш* ~ рус. диал. *пестерь*/*бестерь*/*пехтерь*/*бехтерь*. (Русскую форму *пещер* пока оставим в стороне ввиду отсутствия в ней взрывного *т*.)

Приведенные выше лингвогеографические данные позволяют предположить, что заимствование вариантов *пестерь*, *пехтерь* происходило где-то в Волго-Окском междуречье и Костромской области (именно здесь сходятся

⁴ См.: Саваткова А. А. Русские заимствования в марийском языке. Йошкар-Ола, 1969. С. 17–20. В названном источнике указывается также на возможность передачи этимологического рус. *е* > мар. *о* в позиции первого предударного слога, но, как замечает сам автор, это характерно для заимствований «из окаяющего северо-великорусского говора» (с. 18). При этом во всех приведенных русских примерах (записанных в транскрипции) отражен результат перехода *е* > *о* (в ряде случаев аналогическое *о* на месте древнего *ѣ*). Поэтому фактически нужно говорить не о передаче этимологического рус. *е* > мар. *о*, а о передаче рус. *‘о* > мар. *о*. В случае же *пестерь*, *пехтерь* и пр. речи о переходе *е* > *о* идти не может.

ареалы трех основных вариантов), откуда затем они распространились по остальной территории. Исторические и лингвистические данные указывают на этот край как на территорию исторических мерянских земель (далее – ИМЗ), при этом в лингвистике сложилась небезосновательная точка зрения, определяющая статус мерянского языка как наиболее близкого к марийскому из всех существующих ныне финских языков⁵. Мы же располагаем именно марийскими данными, причем, как выяснилось, не зависимыми от данных русского языка. Сказанное позволяет предполагать мерянский источник русских диалектизмов.

Необходимо рассмотреть, не противоречит ли этой версии фонетическая сторона вопроса. Приведенное выше соответствие марийских и русских лексем демонстрирует корреляцию гласных первого слога рус. *е, и* ~ мар. {*ÿ ~ ö*}⁶, что находится в русле законов финно-угорской исторической фонетики. Так, на месте мар. *ÿ, ö* в других финских языках обнаруживаются гласные переднего ряда *ï, i, e, ä* < ф.-уг. **ï, *i, *e, *ä* соответственно⁷ (ср.: мар. *мÿкш* ‘пчела’ ~ фин. *mehiläinen*, морд. *мекш*; мар. *лöчаш* ‘взбухать, набухать’ ~ саам. *letset*; мар. *нÿ(ÿ)* ‘зуб’ ~ фин. *pii*; мар. *нöрт* ‘изба’ ~ фин. *pirtti*; мар. *лöдö, лÿдö, рÿдö* ‘западня’ ~ фин. *rita* и т. п.), что соотносится с таким же характером гласных в русских параллелях. Строго говоря, при заимствовании любые гласные переднего ряда могли дать в русском языке рефлекс в виде *е* или *и* – особенно это касается ранних заимствований, – однако огромный ареал русских диалектизмов и полное отсутствие у последних каких бы то ни было следов иного фонетического оформления вокализма первого слога

⁵ См.: *Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. III. Merja und Tscheremissen // SPAV. Phil.-hist. Klasse. Bd. XIX. Berlin, 1935; Мамзеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // Вопр. языкознания. 1996. № 1. С. 3–23; там же см. обзор точек зрения на место мерян в финно-угорском мире (с. 3–4); Он же. Мерянская топонимия на Русском Севере – фантом или феномен? // Вопр. языкознания. 1998. № 5. С. 90–105.*

⁶ Марийские лексемы демонстрируют три варианта вокализма первого слога: *ÿ, у, ö*. Это колебание объясняется с учетом известного марийского междиалектного соответствия *у ~ ö*. Гласный же заднего ряда *у* в этих словах, по-видимому, вторичен. Его появление может объясняться действующим в марийском языке фонетическим явлением изменения гласного по ряду. (См.: *Грузов Л. П. Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола, 1969. С. 95–96, 122, 130–131.*) Таким образом, запись {*ÿ ~ ö*} обозначает такое марийское *ÿ*, которому в ряде диалектов соответствует *ö*.

⁷ См.: *Грузов Л. П. Историческая грамматика марийского языка. С. 89–91, 93–96, 122; Основы финно-угорского языкознания. М., 1974. С. 207, 210, 211.*

⁸ См.: *Грузов Л. П. Историческая грамматика марийского языка. С. 90, 95.*

(*'a, 'y, 'o*) позволяют предполагать в мерянском источнике либо гласный *e*, либо колебание *e ~ i'*. Более того, предположение, сделанное «от русского материала», поддерживается фактами из истории марийской фонетики: согласно Л. П. Грузову, если в слове по данным разных диалектов наблюдается колебание *ÿ ~ ö* (а это как раз наш случай), круг соответствий в других финских языках сужается до гласных *e, i'*⁹.

Остановимся теперь на соответствии консонантных групп: *um* (мар.) ~ *ст* (рус.) ~ *хт* (рус.).

Помня о близости мерянского и марийского языков, можно попытаться отыскать подобные соответствия в марийском. И действительно, в марийском языке в целом ряде слов существует колебание *c ~ ш*, объясняющееся неравномерностью известного фонетического перехода *c > ш* (где *c < ф.-уг. *s* и **s'*), конец которого датируется XIV–XV вв. Так, в некоторых восточных марийских диалектах рефлекс ф.-уг. **s* сохранились в виде *c*, в то время как в остальных говорах на их месте обнаруживается *ш*, и наоборот – ряд лексем лугового наречия демонстрирует переход *c ~ ш* в тех случаях, когда в других говорах качество древнего **s* не изменилось¹⁰. Таким образом, в марийском языке существуют параллельные формы со свистящим и шипящим; ясно также, что в целом ряде случаев марийскому *ш* предшествовали *c* или *c'*¹².

Конечно, нельзя быть уверенным, что рассматриваемое нами соответствие *um ~ ст* имеет обязательно волжско-финскую основу, но оно вполне вписывается и в более широкий общефинский контекст, ср. рефлекс финно-угорских сибилантов в современных финских языках: ф.-уг. **s > приб.-фин. s ~ саам. s ~ морд. s ~ мар. š, s* (ср.: фин. *salata* ‘скрывать’ ~ саам. *suola* ~ морд. *саламс* ~ мар. *шолышташ*); ф.-уг. **s' > приб.-фин. s ~ саам. č', s ~ морд. s' ~ мар. š* (ср.: фин. *syksy* ‘осень’ ~ саам. лул. *č'akč'a* ~ морд. *соксь* ~ мар. *шыже*)¹³. (Мы ни в коем случае не утверждаем, что источником рус. *пестерь* могло быть прибалтийско-финское, саамское или мордовское слово – важно то, что качество фрикативного в источнике находит параллели в других финских языках, а это позволяет делать предположения о природе консонанта.)

⁹ В русских говорах какого-либо противопоставления ареалов на базе вокализма первого слога не обнаруживается. Вполне вероятно поэтому, что менее частотный гласный *и* в первом слоге появился на русской почве в результате редукции безударного *e* или из-за каких-либо лексических сближений, например, аттракции к рус. *пахать*.

¹⁰ См.: Грузов Л. П. Историческая грамматика марийского языка. С. 122.

¹¹ См.: Там же. С. 155, 158.

¹² В марийском есть и исконный *ш*, о чем см. далее.

¹³ См., например: Основы финно-угорского языкознания. С. 141–142; Грузов Л. П. Историческая грамматика марийского языка. С. 154–157.

Следует указать, что подобное соответствие находит отражение и в топонимии ИМЗ: на этой территории присутствует большое количество гидронимов на *-Икса, -Икша* (типа *Vérekса, Kóлокша*), топоформанты которых, по мнению А. К. Матвеева, достаточно надежно интерпретируются на марийской почве (~ мар. *икса* ‘маленькая речка, залив, пролив’), при этом автор предполагает, что часть из них вполне может оказаться мерянскими¹⁴.

Обратимся к консонантной группе *хт*. В этом случае невозможно опереться на данные марийского языка в силу отсутствия в волжско-финских языках исконного *х*. В марийском и мордовских языках фонема *х* встречается только в заимствованиях, причем позднего характера¹⁵. Тем не менее ряд примеров указывает на возможность существования звука *х* (или звука, услышанного русскими как *х*) в мерянском языке. Ср. широко распространенный в Верхнем Поволжье (территория ИМЗ) гидроформант *-Vхта* (*Йнохта, Kýрохта, Cáнохта, Шóмохта* и др.), для которого не исключают возможность корреляции с формантом *-Vсть* (< ?**-Vста*). При этом, по мнению А. К. Матвеева, гидронимы на *-Vхта* «по употреблению должны рассматриваться как финно-угорские, а в некоторых случаях и по происхождению являются таковыми»¹⁶.

Ср. также соответствие в паре *váрахта* ‘застывшая смола хвойного дерева’ и *барáс* ‘то же’ (предположительно, *барáста). Лексемы фиксируются только на территории Русского Севера¹⁷ и, согласно А. К. Матвееву, восходят к различным, но родственным источникам мерянского или северно-финского типа. При определении родства лексем и их источника автор опирается на географический показатель и предполагаемое соответствие формантов *-Vхта, -Vста, -Vкса, -Vс* (как раз о первых двух и говорилось выше)¹⁸.

Предположение о наличии в каких-то мерянских диалектах согласного *h*, или близкого к нему, подтверждается и топоосновой *вохт-*, ареал которой

¹⁴ Подробнее об этом см.: Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема. С. 19.

¹⁵ См.: Грузов Л. П. Историческая грамматика марийского языка. С. 178, 180–181; Основы финно-угорского языкознания. М., 1975. С. 284.; Основы финно-угорского языкознания. М., 1976. С. 37.

¹⁶ Матвеев А. К. К изучению «темных» лексических заимствований в говорах Русского Севера: *váрахта* и *барáс*. Рукопись.

¹⁷ Лексема *барáс* фиксируется в большинстве районов восточной части Архангельской области (Вель, Вил, Вин, В-Т, К-Б, Леш, Мез, Пин, Уст, Холм, Шенк), на востоке (К-Г, Ник, Тарн) и западе (Бел, Вашк) Вологодчины; ареал слова *váрахта* – крайний восток Вологодской области (В-Уст, К-Г).

¹⁸ См.: Матвеев А. К. К изучению «темных» лексических заимствований...

соотносится с ареалом расселения мери в Верхнем Поважье и, простираясь на юг, связывает мерянскую зону Русского Севера с костромской. При этом считается, что по крайней мере часть топонимов с основой *вохт-* могут оказаться мерянскими по происхождению (ср., например, *Вохтоболка*) и все – по употреблению¹⁹.

Итак, не исключена вероятность наличия *h* или похожего на него звука в мерянском языке, при этом существуют примеры, за которыми может стоять корреляция *h ~ s*.

В более широком, общефинском, контексте звук *h* обнаруживается в прибалтийско-финских языках и восходит к ф.-уг. *š, наряду с саам. *s* и мар. š (ср.: фин. *haara* ‘осина’ ~ саам. *suppe* ~ мар. *шонке*)²⁰. Нельзя не заметить, что соответствие приб.-фин. *h ~ саам. s ~ мар., морд. š* совпадает с русско-марийским. Возможно, именно оно лежит в основе корреляции *пехтёрь ~ пестёрь ~ пёшитыр, пүшитыр*, но еще раз оговоримся, что имеется в виду природа консонанта, а не источник заимствования. Понятно, что при такой точке зрения *с* и *ш* имеют другую природу, нежели та, вероятность которой была рассмотрена ранее.

В любом случае соответствие *хт ~ ст ~ шт* подтверждается примерами с территории ИМЗ, не противоречит истории финно-угорской фонетики и может объясняться по-разному в зависимости от того, связано оно с судьбой финно-угорских свистящих или шипящих²¹.

Марийский гласный второго слога является редуцированным и восходит к прамар. *i. В других финских языках ему соответствуют гласные переднего ряда *i, e, ee, ü, ä* – ср.: мар. *лышташ* ‘лист’ ~ фин. *lehti*; мар. *ныл* ‘четыре’ ~ фин. *neljä*, морд. *ниле*; мар. *пылыш* ‘ухо’ ~ саам. *pel*, коми *пель*; мар. *пыл* ‘туча, облако’ ~ фин. *pilvi*, удм. *пилем* и т. п.²² Все эти факты хорошо соотносятся с вокализмом второго слога русских лексем. Что же касается конечного согласного, то мар. *p* во всех финно-угорских языках соответствует *r* (< ф.-уг. *r)²³. Можно добавить только, что в ряде марийских

¹⁹ См.: Матвеев А. К. Мерянская топонимия на Русском Севере. С. 99.

²⁰ См.: Основы финно-угорского языкознания. М., 1974. С. 141–142; Грузов Л. П. Грамматика марийского языка. С. 154.

²¹ Вполне вероятно, что мар. *пёшитыр, пүшитыр* явилось результатом заимствования из какого-то другого источника (ср. отсутствие параллелей во всех остальных финно-угорских языках). Но, как показывают русские формы, если это и заимствование, то очень старое, подвергнувшееся влиянию фонетических законов финских/волжско-финских языков. Таким образом, рассматриваемые нами финские соответствия не теряют своей значимости.

²² См.: Грузов Л. П. Грамматика марийского языка. С. 112–116, 122.

²³ См.: Основы финно-угорского языкознания. М., 1974. С. 149.

диалектов у фонемы *р* существует палатальная пара *р'*, развившаяся в сочетаниях с гласными переднего ряда или смягченными согласными, правда, уже в поздний период²⁴. Вполне можно допустить и палатализацию *р* на русской почве, например, в силу морфологической адаптации лексемы: в русском языке лексемы с аффиксами на *-рь* количественно явно преобладают над словами с аффиксами на *-р*²⁵. Такое преобладание вполне закономерно, так как русские аффиксы на *-р* носят либо архаичный (ср. *дар*, *жир*, *вихор*), либо заимствованный (ср. *мастер*, *стажер*) характер, в то время как аффиксы на *-рь*, хоть и считаются сейчас непродуктивными²⁶, но раритетными явно не являются и свободно вычленяются в словообразовательной структуре слова (ср. *знахарь*, *лекарь*, *пустырь*).

Приведенные факты позволяют сделать следующие выводы. По-видимому, источником рус. диал. *пестерь* и *пехтерь* стали языки и/или диалекты финно-угорских племен, населявших некогда Волго-Окское междуречье и Костромской край, т. е., по всей вероятности, мери. Относительно фонетических отличий ср. распространенное в науке мнение о существовании различных, возможно, довольно далеко отстоящих друг от друга диалектов мерянского языка²⁷. Опираясь на географический показатель, можно предположить, что вариант *пестерь* был заимствован русскими у ярославской или костромской мери (возможно, у той и другой) и перенесен на север и северо-запад с потоками русских переселенцев. Судя по той огромной территории, которую занимает слово на севере, оно было хорошо известно и широко распространено в северной части бывшего Владимиро-Суздальского княжества. Что касается варианта *пехтерь*, то, по-видимому, его появление в русских говорах следует связывать с более юго-западной территорией. Можно утверждать, что центр (центры) распространения слова был где-то на территории современных Московской, юго-востока Тверской и юга Ярославской областей. Активное продвижение слова на юг и юго-восток обусловлено, надо полагать, постепенным распространением влияния Москвы на южные

²⁴ См.: Грузов Л. П. Грамматика марийского языка. С. 177–178.

²⁵ См.: Reverse index to the Dictionary of Russian Dialects (Словарь русских народных говоров). Urbana, Illinois, 1991. P. 339–343, 389–392.

²⁶ См.: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. С. 52, 91.

²⁷ См.: Попов А. И. Топонимика древних мерянских и муромских областей // Географическая среда и географические названия. Л., 1974. С. 21–22. Ср. также выводы археологов о членении мери на племена (Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии. № 94. М., 1961). Факт этнической неоднородности мери вытекает и из названных выше исследований А. К. Матвеева.

территории при формировании Российского государства в XIV–XVI вв. Эта версия кажется вполне вероятной в силу так называемого «культурного» характера заимствования: скорее всего, заимствовалось не только слово, но и реалья, которая могла играть важную роль при экономических контактах. На север и на восток слово распространилось в гораздо меньшей степени, так как там оно наталкивалось на «барьер» в виде других вариантов.

Более южное, «московское», расположение очага лексемы *пехтёрь*, по сравнению с территорией заимствования *пестёрь*, хорошо объясняет дистрибуцию вариантов на Русском Севере. Как уже говорилось, ареалы лексем с группой *хт* имеют здесь островной характер, что явно связано с большей удаленностью центра зоны *пехтёрь* от Русского Севера и меньшей его известностью на ярославской и костромской территории: таким образом, *пехтёрь* на Русском Севере может маркировать места расселения мигрантов, пришедших с более южной, «московской», территории.

Отметим также, что северная часть зоны распространения варианта *пехтёрь* вполне соответствует наблюдениям над распространением на Русском Севере лексики, связанной с владими́ро-сузда́льской колонизацией. Северо-восточный ареал *хт*-вариантов – северо-восток региона от среднего и нижнего течения Ваги – может быть связан с так называемым ареалом Верхнего Поважья, который обнаруживает следы пребывания мери, причем, по всей вероятности, центральной (ярославской), во всяком случае, более южной, чем, например, костромская²⁸. В этом случае лексема могла быть перенесена на территорию Поважья самой мерей и здесь усвоена ее русскими соседями, которые и распространили слово на северо-восток по Ваге, далее по Двине и Пинеге. Ср. также ареал лексемы *бехтёрь* в Сокольском районе – по соседству с предполагаемым ареалом вологодской мери на Кубенском озере, в верховьях Вологды и Сухоны²⁹.

Ареал *хт*-вариантов мог появиться и по-другому. Не имея возможности подробно останавливаться на вопросе распространения владими́ро-сузда́льской лексики по территории Русского Севера, отметим лишь следующее. Как известно, одна из зон расселения мигрантов с юга связана с территорией Белого озера, куда они могли проникать, например, по Шексне. Наблюдения показывают, что еще один из путей перемещения ростово-сузда́льского населения на север связан с бассейнами Сухоны и Юга. Так, нередко случаи лексических параллелей между территорией Белозерья и крайним восто-

²⁸ См.: Матвеев А. К. Мерянская топонимия на Русском Севере. С. 101–103.

²⁹ О вологодской мере см. там же.

ком региона (К-Г, В-Уст, Котл, Вил, К-Б, Лен) при отсутствии слова в других зонах Русского Севера. С восточных территорий продвижение могло идти дальше по Северной Двине или Пинеге. С другой стороны, ростово-суздальская лексика могла распространяться на север и по водным путям запада (Белозерье, Кубена), а затем вниз по Онеге. По крайней мере, изоглоссы ряда лексем прослеживаются вплоть до низовий последней. Таким образом, ареалы «ростово-суздальской» лексики (мы не говорим сейчас о той лексике, которая получила повсеместное или очень широкое распространение на территории Русского Севера) характерны для запада и северо-запада региона (Белозерье и бассейна Онеги), а также для его востока и северо-востока (низовий Сухоны и Юга, Северной Двины в верхнем и среднем течении, бассейна Пинеги). При этом наиболее показательными являются случаи, когда одна и та же лексика фиксируется на западе и на востоке региона³⁰. Что касается географии рассматриваемых лексем с группой *хт*, то она вполне соотносится с названной территорией: помимо среднего течения Двины и Пинеги, *хт*-варианты фиксируются также в низовьях Онеги, и, как уже говорилось, в верховьях Сухоны. (Последнее вполне закономерно, если принять во внимание возможность движения на восток региона по Сухоне и соотнесенность этой территории с ареалом вологодской меры).

Мы склоняемся ко второй версии, принимая во внимание характер северо-восточного ареала: если считать, что распространение шло с верховий Двины, то ареал имеет явно выраженные центр (среднее течение Двины) и периферию (низовья Ваги, Пинега), если же предполагать движение через Вагу, то ареал фактически не имеет центра и представляет собой «хвост», тянувшийся из Шенкурского района на северо-восток, и это при достаточно разветвленных водных путях в начальной точке. Кажется странным также отсутствие *хт*-вариантов в самом Нижнем Поважье, прежде всего в Вельском районе Архангельской области, где зафиксирован только вариант *пестерь*.

Пока сложно сказать что-либо о формах с начальным *б*, кроме того что колебание *б ~ п* в анлауте прослеживается в заимствованной лексике и субстратной топонимии Русского Севера. Обращает на себя внимание, что ареал начального *б* на Русском Севере включен в ареал консонантной группы *хт*, более того — является его центром. Не исключено, что эти варианты связаны между собой. Если это так, то зафиксированная в устье Вычегды форма *бестерь* подтверждает гипотезу о распространении «московских» вариантов по Двине, а не через Вагу.

³⁰ Именно так, исключая бассейн Онеги, выглядит ареал лексем *барас* и *варахта*.

Остались нерассмотренными варианты с «упрощенной» консонантной группой: рус. *пещер*, мокш. *пешор*, *пещор*, эрз. *пещор*, мар. горн. *пэшыр*. Прежде всего отметим, что марийское слово не является исконным, на что указывает вокализм первого слога: при наличии в марийском вариантов с гласными *ö* и *ÿ* в первом слоге (уже рассмотренные *пöштыр*, *пÿштыр-тыш*) появление варианта с гласным *e* может объясняться только его заимствованным характером³¹. Звуковой облик мордовских слов – наличие согласного *щ* и качество гласного второго слога – также позволяет предполагать их неисконность. В отношении вокализма второго слога можно дать следующий комментарий: во-первых, согласно Л. П. Грузову, морд. *о*, *ö* не находят соответствия мар. *ы* (о корреляциях мар. *ы* см. выше); во-вторых, в мокшанском языке в непервом слоге фонема *о* употребляется лишь в составе сложных и заимствованных слов³², а мокш. *пешор*, *пещор* вряд ли является сложным словом.

Источником рус. *пещер* мог быть еще один вариант мерянского слова с шипящим в консонантной группе – предположительно **пештер*. Консонантная группа *шт* в позиции перед гласным переднего ряда соответствует так называемому сложному глухому шипящему русского языка. При заимствовании она, скорее всего, приобретет то качество, каким обладает этот звук в заимствующем говоре: либо она будет так услышана, либо переработана. На всей территории России, где зафиксированы формы типа *пещер* (см. выше), согласно исследованию Е. А. Галинской, к концу XVI – первой половине XVII в. отмечается долгий (а не сложный) характер этого древнего согласного: либо [ш'], либо [ш̌]³³, т. е. заимствованная форма с консонантной группой *шт* должна была превратиться к этому времени либо в вариант [п'еш'ёр], либо [п'ешёр]. Лексикографические источники, ориентируясь на фонетическую систему литературного языка, обычно не различают палатальное/непалатальное качество долгого шипящего и передают последний буквой *щ*. Вполне возможно, что единственный, зафиксированный только на территории Белозерья вариант *пештёрка*, отражает мерянскую форму с шипящим при сложном характере согласного в заимствующих русских говорах.

Итак, на территории исторических мерянских земель зафиксировано три варианта заимствования, различающиеся по типу консонантной группы.

³¹ См.: Грузов Л. П. Историческая фонетика марийского языка. С. 122.

³² См.: Основы финно-угорского языкознания. М., 1975. С. 281.

³³ См.: Галинская Е. А. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М., 2002. С. 251.

Эта дифференциация связана со спецификой источников: в основе рус. *пехтерь* лежит форма с консонантной группой **хт*, в основе *пецшер* – форма с консонантной группой **шт*, а в основе *пестерь* – с группой **ст*. При этом на территории ИМЗ выделяется три противопоставленных друг другу ареала¹⁴. Как уже отмечалось, *хт*-варианты маркируют юго-запад территории – Московскую область и юго-восток Тверской. Севернее – в центре ИМЗ – располагаются *щ*-варианты (< **шт*): они фиксируются по Волге и ее притокам (в основном, правым) – на Тверце, в районе Углича, в Ростове, по обоим берегам в среднем течении Клязьмы, в Некрасовском районе Ярославской области, вокруг Нерехты, Костромы и Кинешмы; ареал не отходит далеко от русла Волги. На севере ИМЗ полосой с запада на восток идет ареал *ст*-вариантов: они рассредоточены по левым притокам Волги в их верхнем и среднем течении – в районе Весьегонска, в районе Рыбинска и Пошехонья, в среднем и верхнем течении Костромы (Буй, Солигалич, Чухлома), в районе Галича, в бассейне Унжи (Нея), в верхнем течении Ветлуги (Шарья, Вохма).

Надо сказать, что в центре территории ИМЗ границы ареалов размыты: так, по данным ЯОС, в Ростовском, Переславльском, Пошехонском районах Ярославской области фиксируются все три варианта с глухим в анлауте, *хт*-варианты фиксируются в Любиме (наряду с формой *пестерь*), а *ст*-варианты – в районе Суздаля. Несмотря на это, соотнесенность изоглосс все-таки прослеживается, а размытость границ в центральной зоне может объясняться древним характером ареалов (как известно, чем древнее ареал, тем менее четки его границы). Ясно также, что в центральной зоне процессы по смешению населения, а следовательно, и языка, происходят гораздо быстрее, чем на окраинах, где дольше сохраняется древнее состояние. Таким образом, корреляция ареалов существует, и можно предполагать, что в ее основе лежит языковое и диалектное членение финских племен, проживавших на территории Волго-Окского междуречья и Костромского края.

С учетом такого распределения вариантов становится понятно, почему преобладающим на Русском Севере оказывается вариант *пестерь*, а варианты с согласным *щ* встречаются там очень ограниченно (Он, У-Куб) по сравнению с юго-восточными территориями Европейской части России.

---

¹⁴ Картографирование проводилось по материалам лексикографических источников. Малое их количество для территории Волго-Окского междуречья и Костромской области и во многих случаях ограниченность привязки лишь указанием на область значительно снижают точность выделения ареалов. Думается все же, что общую картину их соотнесенности между собой выявить удалось.

Маркирующие русло Волги, *иц*-варианты по ней и продвинулись вниз с территории ИМЗ вплоть до Симбирска, захватив по пути бассейны Оки и Камы и проникнув в мордовские языки в форме *пецор*³⁵.

В заключение осталось добавить, что мар. *пéстер*, *пестёр*, *пестёрь* заимствованы из русского.

Е. А. Березовская

Группа названий мелкой рыбы с основой *буз-*¹

Ихтиологический термин *бузán* ‘мелкая рыба, малек’ распространен на территории Вытегорского района Вологодской области [СГРС, 1, 163]. Слово *бузún* со значением ‘окунь’ фиксируется на территории Онежского района Архангельской области [Там же], а в значении ‘ерш’ – на территории Вологодской, Пермской областей и бывшей Олонецкой губернии [СРНГ, 3, 258]. На территории последней отмечается также *бузунók* ‘мелкий окунь; окунь одного года’ [Там же]. *Бузын* и *бызún* фиксируются как варианты с двумя значениями ‘окунь, мелкий окунь’ и ‘ерш’ на территории Вологодской, Пермской областей, а также бывшей Олонецкой губернии [СРНГ, 3, 259, 341]. Слово *бузяк* в значении ‘окунь’ фиксируется на территории Онежского района Архангельской области [СГРС, 1, 163]. Также для анализа нами была взята лексема *бузá* в значении ‘мелкая рыбка’ или ‘мелкая плотва’, зафиксированная топонимической экспедицией Уральского университета на территории Чухломского района Костромской области [ЛК ТЭ].

Разные слова этой группы могут относиться к разным номинативным моделям, однако можно думать, что по крайней мере большая часть этих лексем, обладающих общей основой и значением, являются родственными.

Рассматриваемые ихтионимы могли возникнуть при реализации номинативного признака «высокая степень активности движения», ср. глагол

³⁵ Случаи появления гласного *о* во втором слоге русских форм объясняются, по-видимому, аналогией к словам, в которых реализовался переход *е* → *о*.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования РФ по фундаментальным исследованиям в области гуманитарных наук Г02 – 1.6 – 111.